

Глава 1

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ СПАСЛА ЕДИНОРОГА

То ли было это, то ли не было...

Давным-давно в лесу, что лежит меж горами Эльбурс и Каспийским морем, девочка отправилась за грибами.

Накануне прошел дождь, поэтому земля под ногами была мягкой и влажной, а в воздухе пахло суглинком и мхом. День оказался удачным для сбора грибов. Девочка набрала уже почти полную корзинку ежевиков и трютовиков, когда услышала из-за деревьев звук, походивший на крик раненого животного.

В лесу водились леопарды, шакалы и бурые медведи, но девочке претила мысль о страданиях живого существа, поэтому она захотела помочь. Источник звука нашелся немного в стороне от тропинки, на затерявшейся в глубине леса поляне.

Перепуганный единорог, угодивший ногой в охотничий капкан, истекал кровью. Зверь был огромный и совсем дикий. Девочка никогда раньше не видела единорогов, но сразу поняла, что животное это непростое.

Поняла она и то, что, как только охотник вернется проверить капкан, единорога будет уже не спасти. Поборов страх, девочка подкралась к нему, ступая так осторожно, как только могла. Чтобы успокоить зверя, она дала ему немного собранных грибов. Почувствовав, что может приблизиться, девочка наклонилась и высвободила ногу животного.

Длинные ноги и острый, сулящий опасность рог зверя, казалось, заполнили собой всю поляну. Девочка застыла без движения, потрясенная и напуганная. Единорог долго смотрел на свою спасительницу, а потом, осторожно наступив на поврежденную ногу, двинулся к ней. Наклонив массивную голову, он вонзил рог ей в грудь, прямо над сердцем.

Девочка упала, и рог зверя надломился, оставляя кусочек у нее в груди. Единорог еще мгновение наблюдал за ней, затем повернулся и, поджав раненую ногу, убежал прочь. С того дня никто его не видел сотню лет.

Девочка, ошеломленная, истекающая кровью, все же сумела собрать остатки сил и вернуться в родную деревню на опушке леса. Дойдя туда, она упала без чувств. Ее отнесли в кровать, где она провела много дней. Поначалу никто не верил, что девочка выживет, но уже через день кровотечение прекратилось, а еще через три дня боль начала утихать. Рана постепенно становилась все меньше и меньше, и в конце концов от нее остался только шрам в форме полумесяца прямо над сердцем, а внутри, между ребрами, засел крохотный кусочек рога единорога.

Шли годы, девочка превратилась в женщину. Она вышла замуж, и у нее родились дети. У некоторых из них над сердцем тоже оказались родимые пятна в форме полумесяца. Были они и у их детей, и у детей этих детей, и так продолжалось долгое время. Говорят, хотя никто

и не знает наверняка, что потомки той девочки живут и сейчас и что на коже, ровно в том месте, где ее коснулся единорог, некоторые из них все еще носят эту отметину.

И шепчутся, что, может — лишь может, — в них все еще осталась частичка единорога.

Глава 2

РАБОТА

По-хорошему, я не должна была работать в регистратуре.

Ветеринарная клиника — не место для нетерпеливого человека, а меня раздражал весь окружающий мир. Как бы там ни было, Доминику нужно было пообедать, все фельдшеры оказались заняты, и, как сказал бы мой папа, *«ради наших чувств, Маржан, мир не замирает на месте»*. Поэтому на время обеденного перерыва именно мне пришлось представлять нашу клинику и проявлять дружелюбие.

Оставалось лишь молиться, чтобы в ближайшие полчаса не зазвонил телефон, а вестибюль оставался таким же безлюдным, давая мне спокойно позлиться на весь мир.

Злили меня главным образом две вещи. Первая — сама клиника. Уже три недели ветеринарная клиника Западного Беркли принадлежала мне. Это обстоятельство меня совсем не радовало, да и самое начало второго года в старшей школе не лучшее время для того, чтобы внезапно обзавестись ветеринарной клиникой и всеми ее долгами в придачу. Теперь помимо школы, домашки и каких-то развлечений мне приходилось беспокоиться о зарплате, аренде, коммунальных услугах, страховке и еще целой куче нежеланных обязанностей. В их числе — необходимость

подменять Доминика в регистратуре, давая ему время пообедать.

Вторая же причина моей злости — то, как клиника мне досталась. Раньше она принадлежала моему отцу. Он — ветеринар по профессии — управлял ей, сколько я себя помнила. Обычно отцы не передают ни с того ни с сего свой бизнес дочерям-подросткам, но моего отца обычным и не назовешь. Впрочем, решения его все равно никто не спрашивал.

Полиция так и не смогла определить, как именно он погиб. Орудия убийства не нашли, но и вообразить, как возможно сделать *такое* голыми руками, никто не мог. Один из спасателей сказал, что папу словно грузовик сбил. Ожоги это, впрочем, не объясняло.

Подозреваемых не было, как не было и отпечатков пальцев, следов, частичек ДНК, волос и чешуек кожи — ничего из того, что обычно находят следователи в сериалах. Записей с камеры наблюдения тоже не осталось. Даже мотив придумать никто не смог. Из дома ничего не украли, во всех комнатах, за исключением той, где умер папа, все было по-прежнему.

И все это меня бесконечно злило.

Я приходила в клинику уже неделю и в основном проводила время в тихом и маленьком папином кабинете. Нигде больше мне не было так спокойно. Бывало, я заходила в процедурный кабинет, надевала маску и исчезала для остального мира. Все, что мне нужно было делать, — гладить животных, успокаивая их. В вестибюле же я чувствовала себя уязвимой, словно щенок в витрине зоомагазина. Вот только я была не щенком, а россомахой, к тому же бешеной.

Так или иначе, зарегистрировать посетителей было больше некому, поэтому я опустила в кресло Доминика и впи-лась ногтями в ладони, пытаясь отвлечься. Я убеждала себя,

что все будет нормально — на «хорошо» я даже не замалчивалась, — если мне не придется ни с кем разговаривать.

Входная дверь открылась, как раз когда я думала об этом.

Вошедшая без колебаний направилась прямо к стойке — словно ракета с тепловым наведением и нарисованным на корпусе радостным лицом. На вид я дала бы гостье чуть больше двадцати. У нее были каштановые волосы и изящные очки в тонкой оправе. Ее карие глаза встретились с моими, стоило ей меня заметить. Посетительница улыбнулась мне дружелюбно и хищно одновременно.

Она пришла без животного — в ветеринарной клинике это всегда не к добру.

— Ты, должно быть, Маржан, — произнесла гостья. — Мне жаль, что так случилось с твоим отцом.

Она еще и имя мое знала. Это было даже хуже.

— Кто вы? — резкость в моем голосе могла бы рассечь кость, но ее улыбка даже не дрогнула.

— Мы с тобой еще не встречались, — сообщила она.

— Папа был должен вам денег? — спросила я. — Если так, то вам придется поговорить с его бухгалтером, и я могу гарантировать, что...

Девушка отмахнулась от вопроса, затем полезла в холщовую сумку, достала визитку и положила ее на стойку регистрации передо мной. На ней не было ни слова, только бронзовый оттиск — чайник со свернувшимся внутри силуэтом змеи. Я ждала, что последует объяснение, но вскоре стало понятно, что посетительница надеялась, что я узнаю символ.

— Нет? — спросила она наконец.

Я покачала головой. Гостья снова улыбнулась, на этот раз печально.

— Значит, он ничего тебе не рассказал. Здесь есть где поговорить?

— О чем? — осведомилась я.

— О многом, — ответила она. — О твоём отце. О том, что с ним случилось.

Девушка сделала паузу.

— О работе.

Работа.

Она произнесла это слово так, что у меня в груди шевельнулось что-то теплое и непонятное. Может, это снова был гнев — старый добрый гнев, за который я так долго цеплялась. Или же что-то другое. Быть может, любопытство.

А может, это была надежда.

Иногда, когда звонил папин мобильный, трубку брала я, что неизменно его раздражало.

На другом конце провода обычно спрашивали: «Можно услышать Джима Дастаны?» — и мне всегда это казалось странным. Моего отца на самом деле звали Джамшид. Использовать сокращение «Джим» казалось особенно жалким способом культурной капитуляции, потому что помимо того, что имя было до крайности заурядным, оно ему даже не подходило. Меньше всего на свете мой отец походил на Джима.

Я всегда старалась, чтобы звонящий услышал, как я кричу: «ПАПА-А-А! ЭТО ТЕБЯ-А-А!» Мне хотелось произвести как можно более непрофессиональное впечатление на очередного клиента. Папа каждый раз с грохотом спускался по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Всякий раз, раздражаясь, он корчил гримасу, похожую на улыбку, — при условии что улыбка причиняет физические страдания. Но, справедливости ради, в исполнении моего отца так выглядели многие действия — так он выглядел и когда ел, и когда смеялся, и когда спал. Поэтому, вероятно, папа делал все это совсем не так часто, как следовало бы.

Вырывая телефон у меня из рук, он бросал на меня суровый взгляд, как бы обещая грядущие неприятности. Дальше этого дело, впрочем, не заходило. Да и что папа мог сделать? Наказать? И как бы он проследил за исполнением наказания, почти не бывая дома?

На звонки он отвечал в своей комнате: уходил туда с телефоном, не сказав мне ни слова, и закрывал за собой дверь. Я изо всех сил прижималась к ней ухом, но каждый раз слышала лишь приглушенное бормотание.

Разговоры обычно длились недолго. Когда папа заканчивал говорить, он открывал дверь и возвращал мне телефон. Всю злость и раздражение к тому моменту как рукой снимало. Мысленно он был уже далеко отсюда: собирал вещи, ехал в аэропорт, на вокзал или куда он там еще, черт возьми, направлялся.

Иногда я дерзала спросить: «Итак, куда на этот раз?»

Если мне везло, папа отвечал что-то вроде «в теплые края» или «в один тихий городок». Ни на что большее рассчитывать не приходилось; я даже не могла с уверенностью сказать, что он говорил со мной, а не бормотал себе под нос, прикидывая, какие вещи брать с собой. Бывало, он обращал на меня внимание, только когда уже заканчивал собирать сумку.

Настоящий наш ритуал происходил уже на пороге дома. Папа останавливался в дверях, словно только что вспомнив о чем-то, и оборачивался. Я всегда оказывалась подле него, ожидая этого момента.

— Маржан, — говорил он, — все, что тебе может потребоваться...

— Я знаю.

Повторять все в очередной раз не было необходимости: кредитка находилась в кухонном ящике, а наличные — в конверте рядом с раковиной. Номера телефонов экстренных служб — те, по которым я действительно могла

вызвать полицию и пожарных, а не дорожный патруль, — были приклеены рядом с визиткой местной службы такси и номером пиццерии, которая осуществляла доставку. Все, что могло бы мне потребоваться, оставалось на своих обычных местах.

Затем следовало обещание.

— Я скоро вернусь.

Он мог отсутствовать день или неделю, и я никогда не знала, сколько продлится очередная разлука.

Потом папа ставил сумку на пол и обнимал меня. Наверное, в детстве я обнимала его в ответ. Сейчас уже и не вспомнишь. Он держал меня в объятиях несколько секунд, а потом извинялся.

— Прости. Когда-нибудь...

Ага. Когда-нибудь все станет ясно.

Когда я была помладше, то думала, что все ветеринары постоянно находятся в разъездах, и лишь после маминой смерти стала понимать, насколько все это странно. Раньше я злилась на папу за то, что он бросал меня, а потом, со временем, стала к нему жестока. В чем я только его не обвиняла: в контрабанде наркотиков и шпионаже; в том, что где-то на другом конце страны у него другая, неизвестная мне семья, и в том, что я и есть другая семья.

— Людям нужна моя помощь, — всегда отвечал он в ответ на мои нападки. И я верила ему, потому что ничего больше работы его никогда не волновало.

А потом он говорил: «Я тебя люблю».

Никогда не была уверена, что для него значат эти слова, — говоря их, папа всегда уходил.

И наконец, последний взгляд, из-за которого я чувствовала себя животным, лежащим на столе процедурного кабинета. Папа смотрел на меня так, словно пытался обнаружить опухоль, или инфекцию, или глазного червя.

Затем он вздыхал, как бы смиряясь с поражением. Исправить то, что он видел, было выше его сил.

Так он и оставлял меня с тех пор, как мне исполнилось десять, — я была совершенно одна и не понимала, что со мной не так.

И именно так он оставил меня в последний раз, теперь уже навсегда. Такая у него была работа.

Я убедила доктора Полсон отдать мне на пару минут своего фельдшера, чтобы тот посидел в регистратуре, отвела посетительницу в отцовский кабинет и закрыла за нами дверь.

Кабинет на самом деле не был предназначен для таких встреч: письменный стол был очень большим, а места — очень мало. Разместиться здесь с удобством можно было, только если кто-то из двух человек сядет на пол, — так я и делала, пока папа был жив. Но эта встреча к подобному не располагала, поэтому мы неуклюже обошли стол и попытались поставить стулья так, чтобы можно было нормально сесть напротив друг друга, не прижимаясь слишком уж сильно к стене или книжной полке. У меня возникло странное чувство, будто между нами каким-то образом оказался отец, и теперь он стоит, толкаясь и мешая нам. Впрочем, это, разумеется, было невозможно.

Наконец нам удалось сесть, не задевая друг друга коленями. Девушка положила ладонь на стол и улыбнулась мне.

— Можно взглянуть на твою руку? — спросила она.

Не знаю, для чего ей было это нужно, но незнакомка говорила так уверенно, что я безропотно положила свою руку поверх ее ладонью вверх и не успела сказать и слова, как она вонзила в кончик моего указательного пальца иголку, а потом выдавила крошечную красную жемчужину крови.

— Ой! — воскликнула я. — Какого черта вы делаете?
Лишь попытавшись отдернуть руку, я заметила, насколько крепко она меня схватила.

— Минутку, — спокойно проговорила девушка. — Не переживай.

Она приложила к ранке тонкую полоску бумаги и положила ее на стол между нами. Пока я наблюдала, как по бумаге растекается кровь, посетительница отпустила мою руку.

— Ты когда-нибудь слышала о Гирканской династии? — спросила она.

— А вы слышали, что тыкать в людей острыми предметами невежливо? Что это вообще было?

— Всего лишь стерильная игла, — заверила она. — Честное слово.

Гостья взяла тест-полоску и поднесла ее к свету. Я не могла сказать наверняка, но казалось, что в тех местах, где она окрасилась моей кровью, начал появляться какой-то узор. Девушка улыбнулась про себя, на ее лице читались облегчение и удовлетворение.

— Извини, — сказала она. — Это больше не повторится. Вернемся к Гирканской династии: ты слышала о ней?

Я ответила отрицательно.

— Тогда, полагаю, ты не знаешь вообще ничего, — подытожила она, — и то, что я расскажу, тебя немало удивит.

Она открыла сумку, достала коричневый конверт и подтолкнула его через стол ко мне.

— Мне нужно, чтобы ты отправилась в Англию, — сообщила она. — Вылет сегодня вечером.

— Прошу прощения? — воскликнула я.

— Все уже оплачено, — продолжила она. — Билеты внутри. Оставались места только в первом классе, и я предположила, что ты будешь не против.

— Это шутка такая?

Похоже, она не шутила.

— Кто вы такая? Что за Гирканская династия?

Она проигнорировала мои вопросы.

— В аэропорту тебя встретит человек по имени Саймон Стоддарт и отвезет в поместье в Мидлендсе. Пока все понятно?

— Конечно, — парировала я. — Я лечу на другой конец света, там меня встретит какой-то незнакомый мужчина и отвезет меня в место, о котором я даже не слышала. Что потом?

— Потом ты встретишь грифона, — невозмутимо ответила она. — Он болеет. Ты ему поможешь.

— Грифон, — повторила я. — В смысле собака такая? Брюссельский гриффон? Вы же в курсе, что я не ветеринар, да? Мне пятнадцать лет, знаете ли.

— Я знаю, — сказала она. — И нет, речь совсем не о собаке.

Я все вглядывалась в ее лицо, пытаюсь увидеть намек на то, что это какой-то тщательно продуманный розыгрыш, но не увидела ничего, кроме полуулыбки, которая, казалось, не сходила с ее лица никогда. В конце концов я взяла конверт и вскрыла его: внутри оказались обещанный билет первого класса и пачка фунтов стерлингов конфетного цвета. И то и другое выглядело очень реалистично.

— Грифон, — повторила я. — И что мне с ним делать?

— Познакомься с грифоном и осмотри его, а потом дай рекомендации, — перечислила она. — Только и всего. А потом полетишь домой.

— Какие рекомендации?

— На месте разберешься, — сказала гостья.

— Кто вы? — спросила я. — Что все это значит?

Она сняла очки, сложила их и опустила на стол.

— Это, — произнесла незнакомка, — и есть работа.